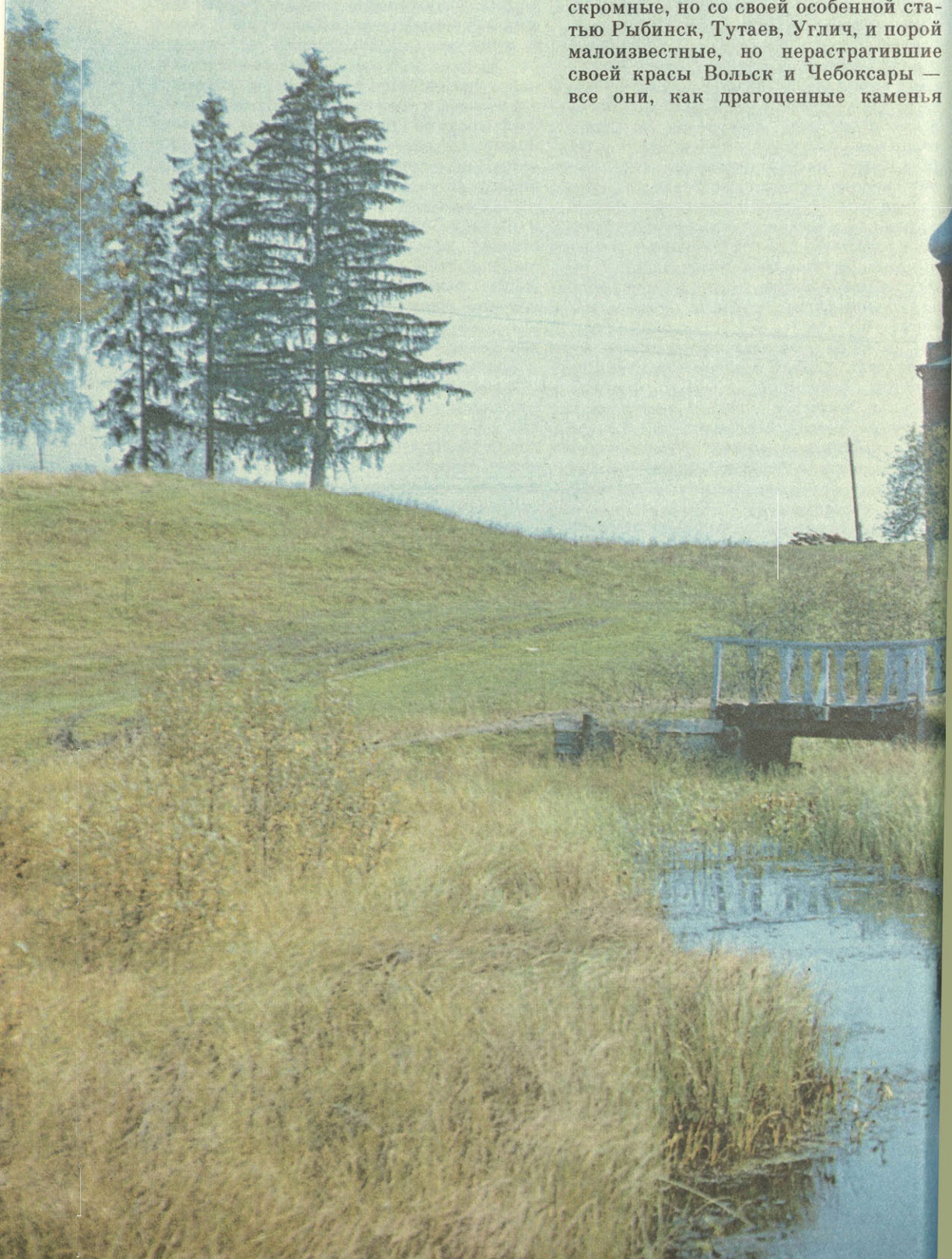

Иван Васильев,
писатель

Земля Истока

От редакции.

Середина земли нашей — Волга! На берегах великой этой реки красуются города, прославленные в истории Отечества. И немеркнувшей, грозной боевой славы Волгоград, и увенчанные устремленными вверх кремлями Горький, Казань, Астрахань, и более скромные, но со своей особенной статью Рыбинск, Тутаев, Углич, и порой малоизвестные, но не растратившие своей красоты Вольск и Чебоксары — все они, как драгоценные камни

разного размера и достоинства, нанизаны на эту полноводную живую нить — Волгу.

Волге посвящены тончайшие полотна художников, она воспета в былинах, стихах, песнях и преданиях. Ее защищали много раз и во времена далекие и совсем недавние. На ее берегах родился великий Ленин. С ней судьба нашего народа связана кровно, нерушимо. Мы начинаем рассказ о волжских городах и памятниках.

Волгу рождают валдайские леса. О них и надобно сказать первое слово. Красив и богат Валдай.

— Ну, что красив — возражений нет, а насчет богатства, извините, не согласен. Из истории известно: здешний край никогда своим хлебом не жил, — слышу я трезвый голос осведомленного читателя.

Он, читатель, ставший непоседой, везде побывал, всего насмотрелся. И то, что хлебом мерят степень богатства, в сущности, очень верно. Только сегодня надо бы нам мыслить пошире, к примеру, так: саратовские степи без Волги большого хлеба не дали бы, а Волгу питает Валдай — значит, валдайские леса и заволжские черноземы — это единая экологическая система, и в славе хлебного Поволжья есть заслуга Валдая.

И еще: говоря о богатстве, уже причисляем мы к хлебу студеную воду и чистый воздух, медоносную пчелу и дикого шмеля, журавлиное болото и грибной бор-беломошник, бобринные речки-угодя, лосиные выюжи, чернолесье, тетеревиные косогоры-брусничники, кабаньи сумрачные ельники... Все это имеет Валдай. Как огромные генераторы, лесистые сопки Валдая плют насыщенный кислородом воздух городам-гигантам Москве и Ленинграду, а озера и болота — родниковую воду на все четыре стороны по живым водопроводам Волге, Днепру, Даугаве, Мсте, Поле, Ловати — сотнями рек и речек поят пол-России.

Таково богатство. А красота — это курящиеся сизыми туманами распадки, это — серые обложные дожди, от которых, кажется, даже душа промокает, и ее хочется положить в теплую печурку, это озерная регата — белые облака на синей глади, это глубокие чистые снега, протяжный шум леса, обильные росы на цветущих травах, плеск форели на перекатах, парящие над лугом стрекозы...

Красота Валдая — это тысячи маленьких, уютных — над светлыми водами — деревень с ивами и березами вдоль улиц, с колодезными журавлями над

крышами. Это — наезженные тележным колесом дороги-проселки, петляющие меж сопок, с мосточками и гатями через ручьи и болота, с перевозами на местах древних волоков. Это — нивы-лоскутки среди моренных гряд, сотворенные неимоверным трудом поколений и поколений.

Красота Валдая — это невыдуманные голубые города — Осташков, Андреаполь, Торопец, Ржев, Zubцов, Старица — над озерными просторами, на волжских берегах. Не годами ведут они свой счет, а веками, и седая старина их есть такое же народное богатство, как и хлеб и вода.

Красота Валдая — это истинно русский человек, добрый и отзывчивый, привыкший сам обходиться малым, но щедрый на гостеприимство, сострадающий и помогающий и людям и народам. Красив он своим трудолюбием и умелостью, доблестью воинской, смелостью первопродходческой, скромностью житейской. Все, что мы теперь именуем памятниками старины, — дело его золотых рук и недюжинного ума.

Памятниками Верхняя Волга славится, и первый среди них — сам Исток. Слово это следует и писать с заглавной буквы как название памятника, ибо людям, идущим и едущим сюда тысячами, он таким и представляется — Чудом Природы. Трезвым умом все объясняется просто: где-то в болоте бьет родник, тоненькой струйкой сочится он в осоках, вбирает в себя другой, столь же невзрачный ручей — Персянку, впадает в озеро Малый Верхит, выходит из него заметно окрепшим, а там новые ручьи, новые, уже большие, озера: Стерж, Вселуг, Пено, Волго, — и выходит к поселку Селижарово, открывается людям уже рекой, которая и поит, и кормит, и работу дает. Так — умом, а вот чувствами — все иначе: стоишь в избушке над Истоком, что поставлена на месте древней часовни, глядишь на темную от мхов воду и стараешься объять воображением огромные пространства от Валдая до Каспия, и поднимается в душе что-то великое и светлое, очищается она от всего мелкого и суетного, и хочешь не хочешь, а поверишь, как далекий твой предок, в святость глотка родниковой воды. Может быть, отсюда и пошло: святой родник — святая Русь. Не религиозный смысл мы сегодня вкладываем в это слово — чистоту помыслов, преданность и любовь к Отчизне, верность народу, ну так и предки наши очищались тут душой для тех же дел, ратных и трудовых, во славу России.

Благое дело — дорога к Истоку, теперь и на машине можно сюда проехать, пусть больше людей прикоснется душой к чуду, обновятся чувствами — нам так это надо! — а все же берет некоторая осторожка, как бы не ушел родник, не

сократилась бы Волга на десяток-другой метров, ведь исток Днепра, например, за последний век уже изрядно отступил, а нам дорог каждый шаг реки-матери. Будем, однако, надеяться, что нарастающее паломничество не повредит Истоку-памятнику, который нельзя ни повторить, ни реставрировать. Он один на всю Россию.

Здесь, над истоком, по повелению царя Алексея Михайловича, в 1649 году был основан монастырь, впоследствии получивший название Ольгина. Был он в свое время знатен — царь Петр делал в него вклады, — был и в запустении, горел и разрушался, так что к нашему времени уцелели лишь две церкви — каменная и деревянная. Отсюда и начинаются по Волге памятники, сотворенные человеком. Окинем их беглым взглядом.

Самый древний под названием Стерженский крест поставлен новгородским посадником Иванком Павловичем в 1133 году. «Лета 6641 месяца июля в 14 день почая рыти реку сю яз Иванко Павлович и крест се поставих», — гласит надпись на каменном кресте, который ныне находится в Калининском краеведческом музее. Крест в музее, но Стерженское городище, древнейшее поселение, не стало от этого менее примечательно. Недалеко от городища в деревне Новинки сохранилась небольшая каменная церковь, построенная в самом начале XIX века, представляющая интерес как образец «провинциального зодчества». На другом берегу озера Стерж виден погост Увицы с Троицкой церковью, строеной торопецкими мастерами в 1779 году. Но самым примечательным из верхневолжских памятников архитектуры является Ширков погост с его ярусной деревянной церковью Иоанна Предтечи, построенной в 1697 году.

Ширково стоит на берегу Вселуга, второго крупного озера, через которое проходит Волга и где принимает она речку Руну. На последней есть деревня Руна, тут родилась Лиза Чайкина, Герой Советского Союза, секретарь Пеновского райкома комсомола, замученная фашистами. Местный колхоз носит имя героини.

Иоаннопредтеченская церковь — уникальное сооружение (другие подобные до нас не дошли, хотя изображения их известны): четырехстенный сруб на подклете, над ним — два уменьшающихся четверика, покрытые на восемь скатов, венчается церковь круглым барабаном с главой. Высота храма сорок метров. Сейчас он реставрирован. В конце девятнадцатого века рядом с деревянной была построена каменная церковь. Вместе они создают впечатляющую панораму Деятнадцатый век оставил по себе память домами и хра-

мами и в селениях Вселуки и Витожетка.

Однако не грех помянуть и приволжские деревни, древность многих из них не поддается исчислению. Известно немного: Вселуки упоминаются в грамоте Ольгерда 1371 года, поселение на Стерженском городище ученые относят ко второй половине первого тысячелетия до нашей эры. Край здесь озерно-лесной, лесом да озером жили люди, потому и хозяйство принаравливали к природе. Избы, дворы, рыбные амбары, мельницы рубили прочно, просторно, с выдумкой, украшали резьбой. При начавшейся ныне перестройке своеобразию верхневолжского селения, конечно, грозит индустриальная

нивелировка, а надо бы ее как-то избирать, сохранить в новых проектах местного колорит.

Мы охватили бегло лишь самое-самое верховье, до второго истока Волги, именно отсюда — по реке Селижаровке из озера Селигер — получает река вторую половину своей силы, поэтому и рассматривать оба потока — верхневолжские озера и Селигер — надобно в единстве. А Селигер сам по себе тоже памятник, жемчужина Валдая, принимающий до полумиллиона

Осташков.
Колокольня
Преображенской
церкви после
реставрации.
XVIII век.

туристов в год. О красотах озера, следовательно, говорить не надо, перечислим некоторые, наиболее значительные, памятники древности. Прежде всего, город Осташков. Как все верхневолжские города, он красив, невелик, но просторен — раскинулся на трехкилометровой косе, омываемой озером. Первое упоминание о городе относится к XV веку: в завещании князя Волоцкого говорится о двух осташковских слободах. Позднее они были обнесены крепостной стеной и получили название городка Осташкова.

Осташков.
Троицкий собор
после реставра-
ции. XVII век.

Порубежная с Литвой крепость немало претерпела разорений, видела и настоящие сражения с интервентами. Статус города Осташков получил в 1770 году указом Екатерины II. Это был город ремесленников, к этому времени в нем считывалось более тридцати юфтовых, кожевенных и сыромятных заводов, много кузниц, лодочных, сапожных, сетевязальных мастерских. Застройка города велась по «регулярному» плану. Проект планировки принадлежит видному архитектору И. Е. Старову. Здания в стиле классицизма придают и сегодня городу стройный, торжественный вид. Из более ранних памятников можно отметить дом ратуши, шатровую колокольню Воскресенской церкви, Троицкий собор, ныне реставрированный.

После города большой интерес вызывает остров Столбный с каменной громадой Ниловой пустыни. Монастырь

основан в XVI веке. Его соборы и корпуса вобрали в себя три века архитектуры. Достойны внимания и Богородицкая церковь в селе Оковцы (1756 г.), и Казанская в Верхних Котицах (1793 г.), и Спасо-Преображенская в Рогоже, и Успенская в Николе-Рожке (1757 г.). Свообразной достопримечательностью селигерских берегов являются каменные деревни: Пески, Жар, Зальцо, Кравотынь, Заплавье и другие. В лесном крае каменное строительство было весьма редко, а тут целый куст белых, нарядных, очень уютных и светлых селений! Расположены они в самых живописных местах.

Наше время оставило на верхневолжской земле памятники мужеству и героизму советских людей в годы Отечественной войны. Я уже упоминал деревню Руна и поселок Пено, связанные с именем Лизы Чайкиной. В Осташкове есть улица Константина Заслонова, здесь он родился. В этой местности формировались многие партизанские бригады, в их честь сооружен один из лучших памятников по проекту скульптора А. И. Тенеты. Верхняя Волга от самого истока вплоть до Калинина и ниже была ареной ожесточенных сражений с фашистами, особенно под Ржевом, Зубцовом, Старицей, Калинином. Огнем войны были сметены тысячи деревень, города лежали в развалинах, леса вырублены, поля пришли в запустение. Много утрачено навсегда. Трудно, например, судить о достопримечательностях прошлого в поселке Селижарово, если в нем после изгнания оккупантов уцелело всего-навсего три дома, а в городе Ржеве не сохранилось в целостности ни одной каменной постройки. Ныне в каждой десятой деревне — коленопреклоненный воин над братской могилой. Поистине святая земля!

Братские могилы — вечное напоминание нам и будущим поколениям о долге не только сохранить красоту и богатство края, но и непрестанным трудом и заботами умножать их. Уже вторую пятилетку осуществляем мы обширную программу подъема Нечерноземья. Начинается коренная перестройка деревни, разворачиваются в широких масштабах мелиоративные работы, механизмируется сельский труд. В начавшейся грандиозной перестройке всего уклада жизни очень важно не нанести ущерба неповторимой природе края: ландшафтам, воде и воздуху, памятникам прошлого. К сожалению, не везде и не всегда об этом помнят. Такая, к примеру, деталь: старинные парки. Единицы их остались и те безнадзорные. Прямухинский, насчитывающий более двухсот видов деревьев и кустарников, Таложенский, Борковский, хотя и взяты под охрану, объявлены заказниками, но прискорбно за ними никакого. В Борков-

ском, на берегу Волги, председатель местного колхоза взял да и отгрохал собственную «усадьбу». Простор для своеволия пока еще существует. Или — болота. Осушение идет бессистемно, без генерального плана, без учета экологических особенностей, по принципу первой хозяйственной необходимости. В результате иссякают речки, питающие Волгу, и в прибрежных городах Ржеве, Старице глубинные насосы уже не достают артезианской воды, приходится забирать из Волги. Более того, некоторые проекты орошаемых пастбищ предусматривают осушение болот и ручьев и забор воды из Волги. Это ли не экологическая безграмотность! Сейчас немало делается для сохранения чистоты волжской воды: строятся в городах очистные сооружения, запрещено в бассейне Волги ставить заводы, технические сбросы которых вредны, животноводческие комплексы также оснащаются очистными сооружениями, запрещено применение наиболее опасных ядохимикатов и т. д. Специалисты уже отмечают снижение уровня загрязненности волжских вод, и это хорошо. Но Волге грозит другая опасность — обмеление. Уже нет прежних высоких паводков, а в межень на двести километров от истока Волгу, что называется, курица вброд перейдет. И главная причина тут — сокращение и общее ухудшение лесов. В военные и послевоенные годы рубка шла, конечно, ввиду острой надобности, но теперь-то, казалось бы, пора и остановиться, а не можем. Помню, лет двадцать назад центральные газеты выступали против безудержной рубки в верхневолжских лесах, приводили, в частности, такой пример: на Валдае действуют два — Крестецкий и Оленинский — леспромхоза ЦНИИМЭ (Центрального научно-исследовательского института механизации и электрификации лесного хозяйства), которые отрабатывают передовую технологию рубки в заповедных, в сущности, лесах. Но голос газет остался неслышанным. Зона истоков великих рек по-прежнему является главным районом деревообрабатывающей промышленности — здесь сосредоточены десятки комбинатов, фабрик, лесопилен. В местных лесах совершенно исчезли дубравы, а известно, что в прежние времена дуб рос по берегам Волги обильно. Редуют сосновые боры. Валдайские леса катастрофически быстро превращаются в чернолесье, а их все валят и валят. Только на истоке Волги заготовку древесины ведут четыре крупных леспромхоза: управления лесного хозяйства, управления топливной промышленности, межколхозстройобъединения, облпотребсоюза. Да и лесхозы, созданные специально для охраны и ухода, более чем наполовину заняты заготовками, им тоже спускается

план на древесину. Если взять только двадцатикилометровую водоохранную зону, то она в районе истока займет триста тысяч гектаров. Это зона, куда, в сущности, человек с топором не имеет права ступить, и охрана ее — дело особой строгости.

Не меньшим бедствием, чем топор, для водоохранных лесов является, как ни странно, турист. Сейчас на верхневолжских озерах более десяти туристических баз, в недалеком будущем их станет больше: бассейн озер объявлен республиканским курортом, планируется формирова-

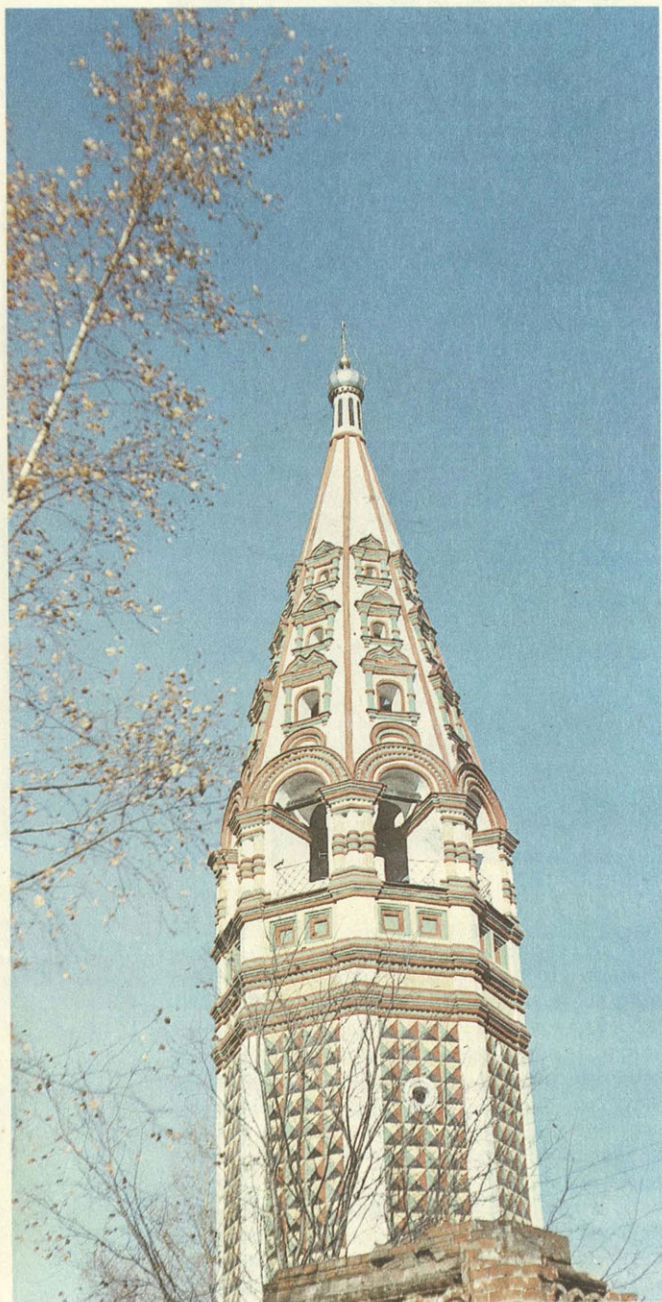

Осташков. Самый древний дом города.

ние 27 курортно-оздоровительных комплексов. По прогнозам ученых, в ближайшие годы число туристов сюда возрастет до миллиона человек. Выдержит ли лес такое «нашествие», вот вопрос, который сегодня всерьез беспокоит. Туристы на верхней Волге — это неизбежность, следовательно, нужно создать такую обстановку, такие условия, которые до минимума свели бы ущерб природе. Есть большой резон в предложениях, которые все настойчивее выдвигает общественность — организация здесь национального парка. Идея эта выдвигается давно, обсуждается она и в научных кругах, но пока что не выходит из стадии предположений.

Много проблем выдвигает перед нами задача сохранения и умножения богатств верхневолжского края — жемчужины России. И одна из самых серьезных — что делать с Волгой: перегораживать ее плотиной или не перегораживать.

Осташков.
Колокольня
Воскресенского
собора после
реставрации.
XVII век.

Вид Осташкова
с озера Селигер.

В прошедшей пятилетке вошла в строй Вазузская гидросистема. Самый крупный верхний приток Волги, река Вазуза, отсечена от старшей сестры. И хотя среднегодовой сток, как уверяют специалисты, не сократился, однако же Волга почувствовала «изъятие». Теперь гидростроители собираются переезжать на тридцать километров выше Ржева и возводить здесь тридцатипятиметровую плотину (проект ее составляется). Два мнения сшиблись на этой проблеме: да и нет. Необходимость регулирования верхней Волги обсуждалась давно, не в наше даже время. Обмеление угрожает Селигеру и верхневолжским озерам. Создание огромного резервуара чистой воды на Валдае — это жизнь Волги, всех городов и сел по ее берегам. Сооружение гидрокомплекса, безусловно, обновит весь край, как случилось это при возведении Вазузской системы: пролегли через лесную глухомань дороги, построены новые дома, животноводческие комплексы, школы, котельные, канализационные сети — жизнь поднялась на новый уровень. Без таких объектов с миллионными вложениями нашему краю даже сносных дорог долго не видеть, это яснее ясного. Но так же ясно и другое — произойдет затопление, и довольно значительное, лесов, полей, лугов — угодий, которыми наш край и без того беден. Надо выбирать — блага без потерь не бывает.

Земля Истока, древние города и веси ее прославлены именами людей, поднявших русскую культуру на небывалую высоту. Одни родились здесь и провели многие годы, другие посещали эти места в поисках идеала и истины, вдохновлялись на великие творения искусства. Первым среди них — Александр Пушкин. Теперь мы имеем возможность посетить все места, связанные с именем поэта, прикоснуться к стенам, вещам, видевшим его, побродить парками, полями, в которых некогда бродил и он. Стараниями тверичей воссоздано «Пушкинское кольцо Вехневолжья» — Тверь, Торжок, Гruzины, Берново, Малинники, Старица, — открыты музеи, литературные экспозиции и уголки, реставрируются здания, парки, памятные места. В кропотливом поиске и собирательстве, в сложной работе по восстановлению ярко проявилась народная любовь и забота о славе и богатстве родной земли.

Наша земля хранит память о Льве Толстом, Тургеневе, Белинском, Горьком, Фадееве, Обручеве, Богданове-Бельском, Серове, Левитане, Салтыкове-Щедрине, Лажечникове, Радищеве, Дрожжине — сотнях и сотнях выдающихся ученых, писателей, художников, артистов, скульпторов, архитекторов. Большое дело делают краеведческие музеи, которые есть

в каждом приволжском городе. Немало выпускается книг и путеводителей, рассказывающих об истории и достопримечательностях родного края. Как новое и отрадное явление наших дней следует отметить пробудившийся интерес к истории культуры со стороны деревни. Никогда не было в наших селах картинных галерей, музеев истории села, ныне они уже не редкость. Это тоже способствует росту интереса к истории, сохранению и умножению красоты и духовного богатства. И все-таки надо сказать, что многое позабыто, находится в запущенном состоянии, нередки еще случаи и прямого небрежения тем, что достойно памяти. В сознании некоторых людей укоренилось

представление, что их забота — только материальное производство, и все, что не имеет прямого к нему отношения, есть забава и пустая трата времени и средств. Только этим можно объяснить факты невнимания местных Советов к реставрационным работам, неразборчивости в застройке городов, небрежения ландшафтами. А между тем ясно, что огромная работа по возрождению силы и славы родного края включает в себя и сохранение всего духовного богатства, созданного предшествующими поколениями.

Земля Великого Истока требует не только старательных рук, но и чуткой, заботливой души.

Н. А. Некрасов

На Волге

(Отрывок из стихотворения)

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.

Андрей Дементьев

Волга

А я без Волги просто не могу...
Как хорошо — малиновою ранью
прийти и посидеть на берегу,
и помолчать вблизи ее молчанья.

Она меня радушно принимает,
с чем ни приду — с обидой иль бедой...
И все она, наверно, принимает,
коль грусть моя уносится с водой.

Как будто бы расслабленная ленью,
течет река без шума, без волны.
Но я-то знаю, сколько в ней волненья
и сколько сил в глубинах тишины.

Она своих трудов не замечает.
Суда качает и ломает лед.
И ничего зазря не обещает,
и ничего легко не отдает.

Мне по душе и тишь ее, и гам.
Куда б меня судьба ни заносила,
я возвращаюсь к волжским берегам,
откуда начинается Россия.